

Мозговой штурм

Александр Коншин

- Уважаемые пассажиры, наш авиалайнер начинает посадку в международном аэропорту Пекина. Температура в аэропорту около +12 градусов, ветер северный, наблюдается плотная облачность.

Александр открыл глаза и протер руками лицо. Семичасовой полет в этом железном гробу подходил к концу, но до земли оставалось еще где-то полчаса, и он посмотрел в иллюминатор. Только что светило солнце, облака казались огромными айсбергами, а уже через несколько секунд самолет попал в облачность. Несильно затрясло, и Лекс сглотнул. Снова это ужасное и неприятное чувство не то тошноты, не то еще чего-то очень противноно, и он выпил стакан воды, который так и стоял на его столике. Откинулся на спинку кресла и снова закрыл глаза. Весь полет он спал, даже не слышал, как раздавали еду, как в салоне эконом-класса кричал ребенок, но так и не смог расслабиться. Он знал, что находится над землей и не сможет ничего сделать, если что случится. Даже в поезде спится лучше и крепче. Стук колес успокаивает.

Самолет снова попал в какую-то воздушную яму, и он заметно побледнел. Протер лицо руками и ощутил на лбу противные капли пота. Подкатывала паника, и он снова сглотнул. Из туалета вышел очередной пассажир, и он встал с кресла. Голова закружилась, и он пошатнулся. Но направился к туалету, игнорируя включенное табло "пристегните ремни". Умывшись холодной водой, он вроде бы почувствовал облегчение и вернулся на свое место. Пристегнулся и стал смотреть в иллюминатор. Выпустили шасси, изменился звук, и он прикрыл глаза.

Воспоминания, такие живые и неприятные, заполонили его мозг, вторглись в его память и вновь разбудили то странное чувство, о котором он хотел забыть.

Полтора суток назад все закончилось. Почему-то раньше он думал, что смерть родного человека не оставит на его душе отпечаток, он вообще не был уверен, что у него есть такие люди, с уходом которых он будет страдать. Хотя страданиями это назвать сложно, просто ему стало очень тоскливо. Он стоял около могилы отца рядом с матерью и ее новым хахалем, неподалеку стояли какие-то люди, то ли коллеги отца, то ли просто знакомые. Какой-то человек, кажется директор какого-то канала, говорил свою речь.

Это была первая и единственная в жизни молодого Коншина похоронная церемония. И он мечтал уйти.

Но мать, эта потаскушка, взяла его за руку, когда гроб с телом стали закидывать землей. Ему пришлось пойти с ней, и горстка земли с глухим ударом пала на крышку гроба. Мать разревелась и прижалась к нему, и он хотел ее отстранить от себя, но почему-то не сделал этого.

- Ты уезжаешь? - Спросила она, когда они сели в машину. Её хахаль сел за руль, а она сидела рядом с Лексом и стирала платком свои слёзы. Он отвернулся к окну и зевнул.

- Да.

- Ты только что прилетел...

- Я прилетел пять дней назад.

- Ты не скучаешь?

- Нет.

- Отстань от него, дорогая, - сказал её хахаль. - Ты где остановишься?

- Я переночую в аэропорту.

Некоторое время ехали молча. Лекс смотрел на свою мать, убитую горем, и не мог понять, почему она так убивается, если не любила своего мужа. Наверное человеческое существо действительно слишком тупое, раз стоит только человеку заболеть смертельной болячкой, то муж или жена от него сразу отказываются. Он бы, наверное, тоже так поступил..

Самолёт приземлился, и он вынырнул из своих воспоминаний. Пассажиры первого класса стали потихоньку собирать свои вещи, и он, перекинув сумку через плечо, достал из внутреннего кармана своей куртки паспорт. Из него вылетела газетная вырезка, и он снова ощутил в своей душе чувство опустошения. Нет, это не годилось, надо будет, пройдя все таможни, напиться. Сейчас это самое разумное. А то гложат его какие-то странные чувства, мысли и поступки. Это никуда не годилось.

Ляньхуа Цин

Ляньхуа оказалась в аэропорту, потому что стала финальным звеном долгой, запутанной цепочки с множеством обменов, сложных комбинаций и бесконечным перекладыванием ответственности друг на друга. Девушка провожала своего бывшего одноклассника - одноклассник же был росту высокого, ликом черен и приковывал к себе множество любопытных взглядов, поэтому даже просто постоять рядом с ним так, чтобы не влипнуть ни в какое приключение, порой было затруднительно.

Парня звали Ндиди, и он был печально известным всему факультету ходячим недоразумением. Начать хотя бы с того, что за несколько лет никто так и не выяснил, из какой конкретно страны парень родом. Сама Ляньхуа лично, своими ушами слышала от него, что он из Анголы, но остальные свидетели в показаниях разнились, тыкая и в Кению, и в Эфиопию, и куда только не. Помимо того, что Ндиди имел неопределенное место рождения, он постоянно впутывался в самые разнообразные неприятности. Если чьей-то головой разбили зеркальный шкаф, то это почти наверняка голова Ндиди. Если у кого-то на ровном месте умер компьютер, то это наверняка тоже Ндиди. Если кто-то выиграл соревнования между университетами по лёгкой атлетике и в тот же день потерял кубок, пока нёс его на кафедру... в общем, принцип понятен, дальше можно не продолжать. И ещё Ндиди, нелестно высказывавшийся о биологии, постоянно пытался поступить куда-то в другое место. Парню то и дело приходили какие-то анкеты и тесты, Ндиди их тщательно заполнял, рассылал по разным университетам, а через пару дней уже получал какие-то новые бумажки и опять их заполнял. Когда факультет уже привык к этому как к ежедневному обыденному ритуалу, вроде чистки зубов по утрам, - вся эпопея неожиданно завершилась тем, что Ндиди всё-таки куда-то поступил. Торжественно забрал документы из университета и не менее торжественно стал прощаться. Факультет пожонглировал-пожонглировал необходимостью устроить хоть скромные, но проводы, и вручил это почётное право Фее.

Силу паранормальных способностей Ндиди девушка испытала на себе незамедлительно, когда сломались три подряд идущих в аэропорт автобуса, каждый

- вскоре после того, как парень в них погрузился, и высадили всех пассажиров на обочину. Ндиди все три раза послушно высаживался и только каждый раз печально вздыхал, как больная лошадь. Заподозрив, что так парень опоздает на самолёт, Ляньхуа решила больше не надеяться на автобусы, а вызвать такси - и приехавшей машине минут через десять после начала поездки в лобовое стекло впечаталась разогнавшаяся навстречу ворона.

По счастью, таксист оказался мужчиной крепким, его таким фокусом оказалось не напугать настолько, чтобы Ляньхуа с Ндиди высадили и оттуда. Но тем не менее, Фея не испытала облегчения даже в аэропорту, когда уже проводила парня на таможенный контроль. И на всякий случай осталась стоять в зале, гипнотизируя взглядом коридор, где скрылся Ндиди - ну, вдруг он сейчас опять оттуда появится и печальным голосом расскажет еще какую-нибудь занимательную историю. Ну, что у него из паспорта чудесным образом выпала страница с визой или еще что-нибудь в таком духе, и опять надо будет что-то срочно решать и как-то немедленно человека выручать.

Александр Коншин

Проход через таможню у него занял, кажется, целую вечность. Как всегда работало мало окон, и он даже не удивился. Потом у таможенника завис компьютер, а затем, к облегчению Лекса, загорелась зеленая стрелочка. Он убрал паспорт и вышел в зону получения багажа. Следуя указателям, он вышел на улицу и остановился. Поправил сумку, достал сигарету и закурил. Непривычно и неприятно закружилась голова, в ногах почувствовалось какое-то напряжение и даже слабость, и он сел на лавочку, совершенно сбитый с толку, что с ним происходит. Такого ведь никогда раньше не было, может это связано с самолетом. Паническая атака.

Он мотнул головой и затыкнулся. Легкие наполнились едким дымом, и паника отступила. Жаль, что в самолете теперь нельзя курить. Так было бы легче. Но нет, это запрещено. Бесит!

Докурив сигарету и приведя свои мысли в порядок, молодой человек вошел обратно в аэропорт. Было много народу, кто-то смотрел карту, кто-то прощался, другие куда-то бежали. Что-то объявляли по громкоговорителю. Он поправил сумку и направился к очередному кафе, коих в зоне регистрации было множество. Проходя мимо каких-то прощающихся людей, он на секунду остановился, и это позволило ему вспомнить прощание с матерью.

Они стояли около выхода. Он теребил в руках паспорт с билетом, а она держала платок. Слезы все еще лились из ее глаз, но он не хотел верить этой женщине, что она сильно убивается по своему ушедшему мужу. Ее хахаль стоял недалеко и ждал свою возлюбленную, чтобы отвезти ее отсюда и заняться с ней любовью в каком-нибудь отеле. Алекс посмотрел на часы.

- Мне надо идти.

- Останься, пожалуйста. Ты мне так нужен...

- Зачем?

- Мне плохо без него. Мне плохо без тебя, Сашенька, - сказала она, беря его за руку.

- Я уже давно не Сашенька. Мне нужно идти.

Он грубо вырвал свою руку и отстранился от нее. Она смотрела своими

заплаканными глазами на него, и ему было противно.

Еще он замечал недовольные взгляды в их сторону. Ему пришлось сделать над собой усилие и поцеловать ее. Потом развернулся и ушел в зону таможенного досмотра...

Кто-то случайно его толкнул, и он вынырнул из своих воспоминаний, мотнул головой и подошел к прилавку. Там продавался алкоголь, и он купил себе бутылку "Jack Daniel`s". Ну и что из того, что бутылка объемом 0,7 литра стоит 250 юаней?

Он сел за столик, налил виски в пластиковый стаканчик и разом осушил его. Закусил лимоном и посмотрел на снующих туда-сюда людей. Мозг потихоньку приходил в порядок, по крайней мере он теперь не ненавидел слабости своей матери. Он никогда не любил женские слезы, почему-то девушки думают, что если будут реветь, то он вернется к ним или еще что-нибудь в этом роде.

Он покопался в своей сумке и извлек оттуда старенький телефончик. Той девушки, которая пару месяцев назад спутала его со своим знакомым. Как же ее звали? Линьхуа? Или Ляньхуа? Как-то так. Это было странным, что он не выкинул телефон и до сих пор помнит ее имя. Возможно, где-то на уровне подсознания он хотел с ней снова встретиться, что тоже было очень странно.

Выпив еще порцию виски, он вдруг заметил в толпе высокого черного человека, а рядом с ним низкого роста девушку, лицо которой ему показалось знакомым. Он не мог вспомнить, где он ее видел, но почему-то решил, что должен ее увидеть. Вот прям срочно и прямо сейчас.

Он встал, убрал бутылку в сумку и, допив порцию, покинул это кафе и направился к девушке.

- Какая неожиданная встреча, - поздоровался он с ней, - а я думал, ты это или не ты.

Ляньхуа Цин

Худшие опасения Ляньхуа подтвердились, когда минут через двадцать Ндиди снова показался в зале. Высокий, очень прямой и торжественно-печальный. Фея внутренне подобралась, готовясь услышать очередную невероятную историю - и не прогадала. Печально глядя на девушку сверху вниз, Ндиди горестно сказал: - Визу у меня не нашли. Говорят, визы нет. Нельзя без визы.

- В смысле? - глупо переспросила Ляньхуа, точно помнившая, что визу и все остальные документы первой необходимости они с Ндиди проверили раза по три-четыре, и каждый раз все было на месте. Девушка выхватила из рук горестного Ндиди паспорт, намереваясь лично просмотреть все страницы и попытаться понять, куда могла испариться еще всего час назад существовавшая виза, и успела было долистать примерно до середины, когда услышала за своим плечом смутно знакомый голос. Обернувшись, Ляньхуа увидела Лекса - на то, чтобы узнать молодого человека, Фее потребовалось долгих секунд тридцать, потому что голова у неё сейчас была забита совсем другим. От Лекса отчётливо пахло спиртным - и, кажется, то же самое спиртное плескалось в его стекленеющих глазах.

Ляньхуа зажмурилась. Ей хотелось завизжать и криком и матом спросить, почему кто-то где-то явно считает, что будет самый кайф, если вывалить на девушку сразу много приключений одномоментно. Вместо визга Фея быстро мысленно произнесла число "двенадцать миллиардов триста сорок пять миллионов шестьсот семьдесят восемь тысяч девятьсот десять", заменявшее ей счёт до десяти, вдохнула-выдохнула и даже успокоилась настолько, что была готова решать проблемы в порядке их поступления. Ндиди притащил свою проблему первой, щас мы её -

сплеча.

- Подожди секунду, пожалуйста, - кротко попросила Ляньхуа, мимолетно придержав Лекса за рукав. Пролистала паспорт, отыскала в нём заветную визу, убедилась, что виза действующая, и вручила Ндиди раскрытый паспорт, приказав: - Так и иди! Вот прямо визой вперёд иди, чтобы она не потерялась ещё раз. И обязательно напиши мне, как сядешь в самолёт. Или если опять будут какие-то проблемы - тоже пиши. Ну всё, удачи!

Проводив Ндиди уже второй за сегодня раз, Ляньхуа обернулась к Лексу. И честно сказала: - Не думала, что мы с тобой ещё встретимся. Откуда ты?

Александр Коншин

А он и не заметил, что рядом с девушкой стоял этот черный высокий молодой человек. Он не был расистом, не принадлежал ни к одной группировке, даже больше - у него было много друзей разных национальностей и оттенков кожи. Начиная от "тумба-юмбы" и кончая носителей европеоидной расы. Но он очень не любил, когда девушка не обращает на него внимания. Сейчас, правда, он был не в том состоянии, чтобы что-то делать, поэтому бегло и воровато огляделся и достал из сумки бутылку. Огненной жидкости оставалось чуть больше половины, и он сделал еще пару глотков. Убрав бутылку обратно, он прикрыл глаза, наслаждаясь распространением по телу приятного и такого манящего тепла. Сознание слегка помутнилось, перед глазами все поплыло, и он пошатнулся. Прислонился к столбу, чтобы было легче стоять. Почему-то снова началась какая-то паника, голова заболела, и захотелось куда-то сесть. Он осмотрелся в поисках скамейки и остался стоять, ибо таковых здесь не было, разве что в кафе, а это далеко. Все-таки он культурный, сидеть где попало как алкоголик не будет.

Он помассировал виски пальцами руки и прикрыл глаза. Тело сотрясала какая-то мелкая дрожь, он до сих пор не мог избавиться от этого чувства, когда висишь на высоте десяти километров над уровнем моря и ничего не можешь с этим сделать. Но почему вот сейчас, почему так долго? Да, он не любил самолеты, но ведь летал на них, и все было нормально. Первый раз полетел из Тегерана в Москву, ему тогда было три года, и он прекрасно помнит тот полет. А ведь из Ирана тоже не мало часов лететь. Тогда не ходили еще поезда.

От такого рода атак ему всегда, сколько он себя помнил, помогала избавиться выпивка. Правда он совершенно не помнил, чтобы так сильно чего-то боялся. Возможно, это было связано с тем, что долгих три дня он находился рядом с умирающим отцом, где была еще и мать, а потом это долгое и нудное прощание на кладбище. Но что делать, как избавиться от этого?

Мать всегда относилась к его пагубной привычке отрицательно, считая, что алкоголь разрушает психику, хотя он считал наоборот. С помощью алкоголя он раскрепощался, даже лучше и быстрее думал, поэтому не считал, что эта привычка может принести какой-то урон его здоровью...

- Сашенька, тебе точно необходимо уехать? - спросила его мать, когда они сидели на кухне. Она уговорила его переночевать дома, и полночи он провел с бутылкой, чтобы как-то избавиться от опустошения.

- Не называй меня так.

- Ты мой сын, я тебя очень люблю...

- Да? А я думал, что ты любишь раздвигать ноги перед кем попало.

Она залепила ему пощечину и снова заплакала. Лекс фыркнул и скрылся в своей комнате, прихватив бутылку.

Он вынырнул из этих неприятных и давящих на мозг воспоминаний, когда до него дошло, что к нему обращаются. Протерев лицо руками, он посмотрел на девушку. Она была одна.

- Я? Просто шел мимо, увидел тебя. Держи, в нашу встречу ты забыла телефон... - он достал из кармана куртки ее старенький телефон и протянул его ей.

Нет, ни в коем случае нельзя показывать, что его что-то беспокоит. Но почему же он хочет, чтобы она осталась? Почему же он позволяет себе эти слабости? Вопросы, вопросы, на которые нет ответа...

Ляньхуа Цин

Первую, наверное, минуту Ляньхуа смотрела на Лекса с легким сомнением, размышляя, не сослаться ли ей на какое-нибудь неотложное дело и не раствориться ли в толпе. Молодой человек был отчетливо нетрезв, а Фее так и вообще показалось, что за то время, пока Лекс стоял рядом с ней, он только опьянел еще глубже и безнадежнее.

И как только девушка решила, что, действительно, стоит этот разговор не продолжать, Лекс извлек из кармана ее потерянный телефон, переломив тем самым и настроение, и ход беседы.

- Ой! Мой маленький старичок! А я уже думала, все, потеряла с концами! - радостно сказала Ляньхуа, принимая из рук Лекса свой телефон. И улыбнулась: - Так ты все это время носил его с собой? Спасибо!

Правда, теперь перед Ляньхуа, уже успевшей купить себе новый телефон, модный и навороченный, не в пример старому, немедленно вырастала некоторая проблема выбора: и пользоваться-то теперь которым? Старшим или младшим? Кого сослать пылиться на полку так, чтобы было чуть менее обидно?

Или всегда можно носить с собой два телефона. Тоже вариант.

- Ты не очень хорошо выглядишь, - зорко сказала Фейя, которой как раз тоже пришло в голову, что Лексу, то и дело проводящему руками по лицу, было бы неплохо присесть. Ляньхуа оглянулась в поисках скамейки, но, как назло, ничего подходящего не увидела. Как будто в аэропорту полагается всю дорогу стоять на своих двоих или вообще не появляться. Лучшим и, по факту, единственным вариантом было засесть в кафе, где уж какие-никакие, но стулья были. На этом варианте Фейя и остановилась - и сказала, указывая на ближайший проём кафетерия: - Давай присядем? Ты как? Совсем нехорошо? Давай помогу, - отважно предложила Фейя. И шагнула к Лексу, готовая поддерживать молодого человека под локоть, за пояс, подставляя плечо или что там ещё понадобится. В этот момент Ляньхуа почему-то чувствовала, что она вот-вот станет чуть ли не атлантом. Небо держать будет.

Александр Коншин

Пока девушка думала, что ей делать, стоя рядом с молодым человеком, он кое-как успел привести свои мысли в порядок. Всё-таки в плане влияния алкоголя на свой организм он никогда не ошибался. Ему почти никогда не было плохо, даже голова не болела на следующее утро. Может быть просто потому, что он никогда не мешал его, пил только один напиток. Его никто не понимал, а он не понимал, как можно мешать виски с пивом, пиво с водкой или вино с шампанским. А ром с колой - так это

вообще гадостная гадость. Нельзя сказать, что он был кем-то особенным, просто с раннего детства ему не нравилось смешивать что-что, что можно употребить без смешивания.

Девушка начала что-то говорить, и смысл дошел как-то расплывчато, но общую суть он уловил. Отстранился от колонны и пошатнулся. Все-таки стоять около колонны, так сказать подпирать стену, было несколько проще. Он мотнул головой, посмотрел расплывчатым взглядом на девушку и увидел вход в кафе. Расстояние в пятьдесят метров, а может и меньше, показалось ему слишком не то, чтобы длинным, но непосильным. Какая-то странная паническая атака, разбавленная неприятными воспоминаниями недавнего прошлого, действовала на него угнетающе. Он боялся всего этого, он не понимал, что это, но где-то в глубине души понимал, что в присутствии этой отважной девушки ему становится капельку лучше и спокойнее.

- Я... - он помассировал виски пальцами, - пойдем на улицу, если у тебя, конечно, нет других дел...

Он сунул руки в карманы джинсов и направился на улицу. Походка была очень нетвердая, и он надеялся, что никого из стражей порядка не увидит. Это там было плевать на полицейских, тогда еще ментов, ведь ничем серьезным ни одно задержание не кончалось, а здесь мало ли что этим полицейским в голову взбредет...

Ляньхуа Цин

- Ладно. Давай попробуем на улицу, - осторожно сказала Ляньхуа. Ей этот вариант как раз понравился меньше, главным образом из-за слова "пойдем" - хоть до выхода из здания аэропорта вроде как и было поближе, чем до кафе, зато уже там по улице можно было петлять в разы дольше. Но времени, как, в общем, и возможности обсуждать эти нюансы уже не было - Лекс уже нетвердой походкой двинулся в сторону выхода, и Фее только и оставалось что заспешить за ним вприпрыжку.

- Дел у меня сейчас нет. Но в любой момент могут появиться, - честно сообщила Ляньхуа. Зная Ндиди - запросто могли появиться, хоть десять штук за раз. Фея все время прислушивалась, не зазвонит ли в сумке телефон, оповещая об очередном недоразумении или очередной беде. Пока не звонил, ну так ещё и не вечер, у Ндиди до самолёта было часа полтора.

Нетвердая походка Лекса внушала Ляньхуа немалые опасения - и стала внушать ещё больше опасений, когда молодой человек зримо и угрожающе покачнулся. Так он, пожалуй, своими ногами ещё и далеко не уйдёт. Фея немедленно подскочила ближе, обняла Лекса за пояс и храбро сказала: - Все хорошо. Я тебя держу.

Правда, помощница из Ляньхуа была сомнительная - все равно что блоха, пытающаяся унести на себе кошку. Но если катастрофа случится - уж как-нибудь сразу не уронит. Убиться не позволит.

Александр Коншин

Александр специально шёл к тому выходу, из которого зашёл некоторое время назад. Он знал, что справа от дверей есть скамейка, и очень надеялся, что она не будет занята кем-нибудь. Хотя на улице по-любому должно стать легче, всё-таки воздух улицы - это не душное помещение, и уж тем более не железный гроб. Вспомнив о самолёте, он передёрнулся и сглотнул. Что же это такое? Может, мать была права и ему не стоило вот так сразу уезжать? Может быть, надо было просто подождать несколько дней, погулять по Москве, насладиться городом и ночной жизнью? Но нет, мать так его достала за то недолгое время, что были похороны, что

хотелось как можно быстрее уехать оттуда. Здесь она не сможет ему зудеть о том, что он ее любимый Сашенька, что ему нужно подумать о своем здоровье, о ней. Зачем о ней думать, если, во-первых, есть кому о ней заботиться, а во-вторых... впрочем, достаточно только одного "во-первых".

Он пошатнулся от чего-то, и девушка его обняла за пояс. Он опешил, щеки налились слабым румянцем смущения, а мозг стал лихорадочно пытаться что-то придумать. Он был очень ей благодарен.

Скамейка была свободна, и он сел на нее. Достал из кармана куртки пачку сигарет и затянулся. Посмотрел на девушку. Он не заметил, как из кармана выпал посадочный талон на рейс, которым он прилетел.

- Спасибо... я... ты не подумай, что я... мне... короче, спасибо. Это был твой друг? Нужно было как-то избавиться от этой атаки.

Ляньхуа Цин

Никаких катастроф, по счастью, не произошло и никаких крайних мер тоже не понадобилось. Лекс хоть и шагал не очень твердо, но все же не падал, и Ляньхуа скорее символически поддерживала молодого человека, чем действительно держала. И сама успокаивалась, и, как хотелось верить, Лекса успокаивала тоже.

На улице Фея как-то не заметила, чтобы от глотка свежего воздуха Лексу немедленно стало лучше - но, признаться, Фея на это не слишком-то и рассчитывала. Во-первых, это и не панацея от всех бед, чтобы исцелять тут же, сразу и полностью, а во-вторых, и воздух-то свежий условно, сильно разбавленный смогом. Продолжая шагать с Лексом в обнимку, Ляньхуа дошла до скамейки, там сперва замешкалась, соображая, как ей ловчее отцепиться от молодого человека и выскользнуть из-под его руки, а в довершение еще и промахнулась мимо скамейки, когда попыталась сесть рядом. О скамейку Фея сперва больно ударилась бедром, потом локтем, но хотя бы не упала. И вида, что что-то пошло не так, не подала. Так, мол, и задумывала, рядом со скамейкой на корточках посидеть.

- Пожалуйста, - вежливо сказала Ляньхуа. И потянулась под скамейку, за белым прямоугольником, спланировавшим из кармана Лекса. - Это был мой знакомый. По университету. Специфическое создание. У тебя упало, держи, - подняв бумажный прямоугольник, Фея протянула его Лексу и на мгновение задержала взгляд на покрывающих бумагу надписях. - О, так это твой посадочный талон? Можно гляну, какой город? Я не рассмотрела, - попросила Ляньхуа, которая уже выпустила талончик из рук, а прочитать его содержание так и не успела. Только увидела, что это краешек билета на самолет да догадывалась, что рейс, наверное, издалека.

Александр Коншин

То ли было много алкоголя в его желудке и крови, то ли те, кто наверху существуют, не хотели, чтобы Лексу стало как-то легче от глотка свежего воздуха. Здесь воздух был тоже загрязнен всякими газами и прочим мусором, но ему казалось, что нигде нет воздуха грязнее, чем в международном аэропорту Шереметьево. Там та еще помойка.

Он не обратил внимания, что девушка сидела не на скамье, ему сейчас было совспм не до этого. Но он почему-то был счастлив хотя бы от того, что эта девушка не ушла от него. Ему было приятно, что кто-то протянул ему руку помощи. Такого раньше не было.

Не было и того, что он вот так пил без повода.

Раздался гул двигателей, и над зданием аэропорта пролетел самолет. Лексу он

показался настолько громким и пугающим, что он сильно вздрогнул. На лбу появился пот, стало трудно дышать. Он снова вспомнил свой последний полет в этом ящике. Почему он полетел? Почему не поехал в поезде? Почему полет туда меньше отразился на его состоянии? Связано ли это с тем, что, летя в Москву, он думал об отце? Тогда нужно было спешить, а поезд едет долгие семь суток. Если бы он не попрощался с ним, то что было бы? Возмездие? Божья кара? Нет, он бы продолжил спокойно жить, заказывал бы девушек, иногда появлялся бы в монастыре и спокойно жил.

Девушка протянула ему посадочный талон, и он слегка вздрогнул.

- Я недавно вернулся сюда. Я прилетел из Москвы.

Он протянул его обратно, может она их собирает, кто знает, и снова затыкнулся. Легче не стало, наоборот, сильно закружилась голова и застучало в висках.

- Извини, если я доставляю тебе неудобства... - прошептал он, сглотнув.

Что еще говорить? Как поступить? Ведь он чувствовал, что она уйдет, оставив его одного.

Ляньхуа Цин

- Москва - это далеко, - вежливо и немного глупо сказала Фейя, рассматривая посадочный талон, вновь переданный ей Лексом и выискивая на нём буквенный код Москвы. По большому счёту, девушке эта информация была не нужна, но сейчас почему-то приспичило проверить и выяснить, что как пишется. - Так ты живёшь в Москве? А здесь у тебя дела? Или наоборот, живёшь в Пекине, а в Москву летаешь по делам? Как правильно сказать?

По тому, как Лекс нервно косился на пролетающие над головой самолёты, Ляньхуа заключила, что нежных чувств к этому способу путешествовать молодой человек не питает. Самой Фее это было чуждо, она к транспорту относилась равно, что к самолётам, что к поездам, что к автомобилям. Возможно, потому, что редко пользовалась и тем, и другим, и третьим. Автомобилями заметно чаще, чем самолётами и поездами, но всё же. Несчастный посадочный талончик, который за последние пять минут уже ходил по рукам больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, Ляньхуа протянула Лексу обратно. И сочувственно спросила: - Не любишь самолёты, да? А насчёт неудобств... - Фейя на миг задумалась, а потом решительно заключила: - Да не грузи себе мозг. Ты мне их не доставляешь. Нормально всё.

В сравнении с Ниди, с которым бы уже наверняка что-нибудь произошло, потому что поводов целая телега, - Лекс был паинькой и вообще практически никаких проблем не доставлял. Подумаешь, пришлось проводить его до скамейки. В понимании Феи, это была вообще мелочь, раз ей не пришлось сперва эту скамейку добывать и тащить на улицу через пол-аэропорта.

Александр Коншин

Черт, почему же так плохо? Он помассировал виски пальцами и зажмурился. Было какое-то странное ощущение, появилась мерзость к самому себе. Никогда не было такого, обычно он даже не особо чувствовал, что напивался. Ну, мог подраться, шутил, был веселым. И стебал ментов. Сейчас же хотелось спать, только бы не слышать эти звуки и не вспоминать об этом гробу с крыльями.

- Я живу в Москве. Жил... около восьми лет я пробыл в Китае. А недавно я вернулся домой. На похороны... я... редко летал на самолётах. Эта шлю... - он сглотнул. - Моя мать никуда особо не брала меня, отдыхала с подругами. А я предпочитал поезда. Вот поезд едет до Пекина. Восемь дней идет.

Почему-то он захотел выговориться. Он не любил рассказывать о своей жизни, вообще никто не знал даже о том, что его отец является ведущим журналистом, не говоря уже об удивительном его рождении. Может быть поэтому он не летал на самолетах?

- Может все одновременно навалилось... и смерть отца, хотя мы не общались почти пятнадцать лет, и похороны, и эта шлю... моя мать, которая типа очень скорбит по нему... прости, тебе, наверное, неинтересно всё это слушать.

Он слабо и виновато улыбнулся. Паническая атака, сразившая его много часов назад, медленно отступала. Это не могло не радовать. А с легким опьянением он как-нибудь справится.

Ляньхуа Цин

- Тебе лучше? - тревожно спросила Ляньхуа и все-таки пересела на скамейку, как все нормальные люди сидят. А то вот по сереющим щекам не слишком-то видно, чтобы Лексу становилось лучше. Даже наоборот, как будто постоянно взлетающие над головой самолеты его добивали. Фейя на всякий случай предупредительно придвинулась ближе - и, в том числе, поэтому не пропустила ни одного слова из того, что рассказывал Лекс. А пропустить-то очень даже можно было, рассказ-то недлинный. Один раз хлопнула ушами, да и немедленно половину прослушала.

И, кстати, рассказ был еще и слишком тяжелый и сложный для того, чтобы можно было позволить себе что-то из него легкомысленно пропускать.

- Ой, - только и сказала Фейя. И сочувственно взяла Лекса за руку, осторожно подбирая слова: - Слушай, ты... ты не рассказывай, если тебе тяжело. Или... или наоборот, рассказывай, если хочется выговориться. Я ничего, я здесь, я слушаю. Я не очень умею все вот это говорить, но... в общем, я здесь, - неловко сказала Ляньхуа, путаясь в словах, как с ней обычно бывало, когда она не понимала, как вести себя конкретно в этой ситуации с этим конкретным малознакомым человеком. Заключила Фейя тем, что осторожно, мягко стиснула руку Лекса. С жестами ей было как-то понятнее - жесты, они более однозначные и более простые в употреблении, что ли. И не надо так тяжело и нервно думать, уместно ли было делать вот это вот сейчас или неуместно, здесь промахнуться Фее было как-то ощутимо сложнее.

Александр Коншин

А его что-то понесло далеко не туда, куда надо. Он снова сглотнул и прикрыл глаза. Чёрт, да что же это такое? Бросать пить? Вот так, просто срубить с плеча - и всё, в общество трезвенников? Нет, это скучно. Он не может без этого. Или может? Может действительно стоит подумать о здоровье? Он пьёт с девятого класса, почти двадцать лет. Нет, он не напивается, чтобы проснуться в луже собственной рвоты, такого никогда не было, в отличие от некоторых его друзей-алкашей. Как там - "Иван норму знает", что-то типа этого.

Почему сейчас так плохо? Душа будто выворачивается наизнанку, оставляя вместо себя незаживляющие язвы. Наросты, которые могут прорваться. Это никуда не годилось, и, что самое ужасное, это всё его пугало. А он не привык ничего бояться. Он не привык никому ничего рассказывать, запивая своё горе алкоголем. Хотя и горя-то он не знал до нынешнего момента. Всё это очень странно, плохо и страшно. Он даже подумать никогда не мог, чтобы он, Лекс Коншин, мачо, как его некоторые девушки называли, будет вот так сидеть на лавочке в международном аэропорту Пекина и рассказывать о своей жизни незнакомой девушке. Ну хорошо, не такой уж незнакомой. И не просто о своей жизни, а о том, чего вспоминать совсем не хочется.

Ведь он не вспоминал об отце все эти годы, он даже ни разу ему не звонил, общался только с матерью, хотя общением это нельзя было назвать. Просто поздравлял с праздниками. Не узнавал о здоровье, не интересовался жизнью отца...

А ведь раньше, лет в пять, Саша был хорошим ребёнком, любящим своих родителей и слушающим рассказы отца о работе. Возможно, тогда он хотел пойти по стопам отца, быть журналистом, освящать разные проблемы, находясь в странах третьего мира или тех, где были конфликты. Он не помнит этого, да и зачем забивать мозг ненужной информацией?

Гул очередного пролетевшего самолета вызвал у него сильную боль в голове. Стало трудно дышать, и он наклонил голову. Воспоминания, такие живые, будто это было вчера, вновь дали о себе знать. Он зажмурился и сглотнул.

Слова девушки его поразили. Нет, это все никак не укладывалось в его сознании. Он в очередной раз мысленно поблагодарил ее, что она осталась сидеть с ним, да еще и предложила ему выговориться. А что, вдруг это действительно поможет? Но он не знал, что говорить.

- Я... мне, наверное, действительно стоило ехать поездом. Я накануне напился, меня мать окончательно достала. Она как узнала о диагнозе отца сразу бросила его. Нашла себе молодого хахалю и все. Я помню, как отец звал эту потаскушку, в последние минуты жизни... это... это было страшно...

Он на секунду вспомнил палату, отца, подключенного ко всевозможным аппаратам, с кислородной маской на лице. Надежды уже не было, отсчет времени начался. Отец боролся, Алекс, проводя в палате эти дни, видел, как тот борется. Рак нельзя победить, все это понимали. Он жил несколько месяцев с этим диагнозом, а в один момент начались метастазы, и он очень быстро сгорел.

- Он тогда сорвал маску и позвал ее. Свою Наташеньку. Но она даже не была там. А на похоронах она изображала из себя убитую горем вдову, - с яростью прошипел молодой человек, сплевывая на асфальт. Потом откинулся на спинку скамьи и одной рукой протер лицо. Повернулся к девушке и сжал ее руку. - Спасибо тебе, я... не знаю, что бы я без тебя делал. Мне как-то в голову не приходило, что я могу испугаться какого-то самолета... это, наверное, выглядело очень глупо. Но... мне уже легче, спасибо тебе, Линь... Ляньхуа.

Он надеялся, что правильно произнес ее имя. А еще он понял, что ему слишком жарко в куртке. То ли командир этого гроба ошибся с температурой воздуха за бортом, то ли алкоголь сделал свое дело, и у него повысилась температура. Как бы он хотел надеяться, что это вина все-таки командира...

Он посмотрел на часы и вздохнул.

- Черт... я профукал отель... я должен был вчера заселиться, не учел переход времени... - он виновато опустил голову и вздохнул.

Ляньхуа Цин

Фея держала Лекса за руку, сочувственно слушала и время от времени, в местах, куда падали смысловые паузы, чутко кивала, показывая, что она не просто голова с ушами, в которые можно говорить, а голова, которая слышит и слушает. Комментировать вот, правда, не готова - Ляньхуа искренне считала, что её комментарии здесь будут лишними. Что ничего умнее банального "мне очень жаль" она ляпнуть всё равно не сможет, а лепить банальщину - это даже где-то невежливо и пошло, лучше тогда уж и не начинать.

А ещё, каждый раз, когда Лекс морщился от гула очередного пролетающего самолёта, Фее ужасно хотелось накрыть его голову ладонями. Как домиком. Как

шапочкой из фольги. Как будто спрятать.

- Да, в общем, обращайся, если что, - неловко и ласково сказала Ляньхуа, сжимая руку Лекса в ответ. И брякнула прежде, чем успела как следует обдумать всю двусмысленность этого предложения: - Ты можешь пока пожить у меня. Я всё равно одна живу, лишний матрац у меня найдётся.

Сообразив, что это прозвучало не вполне невинно, Фейя густо запунцовела щеками. И в попытке спасти ситуацию только усугубила: - Я имею в виду, можешь у меня переночевать. Для начала.

Да что ж такое.

- Только имей в виду: если будешь себя неприлично вести, я тебя в ванной запру, - смущённо буркнула Фейя, окончательно потеряв надежду выразить своё предложение словами так, чтобы оно звучало максимально прилично и двусмысленности там было пролезть совсем некуда. Только такими дешевыми угрозами и оставалось спасаться. - Принимаешь приглашение? Или ты к незнакомым девушкам не вписываешься?

О, точно - "вписаться". Надо было сразу взять в оборот этот автостопный термин, он бы очень сильно спас ситуацию. А он как всегда - явился, когда спасать уже нечего и некого. Репутация лежит в руинах, спокойствие тоже, переписывать диалог поздно. Управилась, называется.

Александр Коншин

Щеки налились смущенным румянцем, он не был уверен, что делает все правильно. Но сейчас было очень странное состояние и самочувствие, что спорить со своим языком и организмом было бесполезно. Он ровным счетом ничего не понимал, он запутался и не знал, что ему делать со всем этим. Паническая атака оказалась намного сильнее, чем он предполагал, и он не знал, как избавиться от всего этого. Казалось, несколько минут назад стало легче, но нет - его снова накрыло. Это никуда не годилось.

Он протер лицо руками и посмотрел на девушку, которая даже и не думала уходить. Она не утешала его, она просто сидела рядом и молчала, принимая участие в этом тяжелом монологе. Его то отпускало, то снова начинались приступы паники.

Девушка предложила ему переночевать у себя, и он внимательно посмотрел на нее, увидев, что она стала пунцовой от смущения. До него не полностью дошел смысл сказанного ею, но он решил, что это лучше, чем остаться вот так, в таком состоянии на улице. Он не был уверен, что сможет один куда-то пойти.

- Спасибо тебе... я воспользуюсь твоим предложением, - он слабо улыбнулся. - Но... могу я тебя попросить принести мне кофе? Двойной эспрессо. Если можно то с лимоном, - он покопался в сумке и вытащил деньги. - Мне должно стать лучше после него.

Ляньхуа Цин

- Никогда еще официанткой быть не приходилось, - добродушно сказала Ляньхуа, но и отказываться от этой "честь" не стала. Потому что никогда не поздно начать и все такое - а еще, если бегать за кофе, можно сходить и немного проветриться. И, возможно, мозги начнут как следует работать, язык перестанет говорить правильные вещи неправильными словами, и так далее, и тому подобное. - Если бы я была официанткой, я бы записала заказ в блокнот. Но я нет. Поэтому я просто запомню, ты не возражаешь? Для вас двойной эспрессо с лимоном! Все верно, сэр? - спросила Фейя, пытаясь подражать манере официанток общаться с посетителями.

Ну, в западных фильмах, кажется, официантки выражаются как-то так.

До почему-то пустого кафе Ляньхуа добежала быстро, даже запыхаться не успела - а вот уже в самом кафе пришлось долго объяснять, что кофе ей надо унести с собой, да-да, чтобы ей налили в богомерзкий картонный стаканчик и выдали на руки. Фея отчасти понимала, почему ее так назойливо пытаются усадить за столик - чтобы кафе не стояло пустым, чтобы люди подходили и видели, что посетители в кафе есть, а значит, можно смело к ним присоединяться. Понимала, но смириться была не готова и всячески отбрыкивалась. Руками и ногами - нет, дайте мне отвратительный картонный стаканчик, и я пошла отсюда.

- Ты представляешь - не отпускают! Только что веревкой не связывают! "Посетитель должен сидеть в кафе!" - удивленно сказала Ляньхуа, возвращаясь к скамейке с двумя картонными стаканами в руках. Один стакан немедленно вручила Лексу: - Ваш двойной эспresso, сэр, с лимоном, меньше чем такую бадью мне наливать отказались, - сама села на скамейку и принялась крутить в руках второй стакан, с карамельным латте. Фея цапнула его в кафе как-то совершенно по инерции - продают, значит, надо брать, - а теперь сидела и прислушивалась к себе, пытаясь понять, а хочет ли она вообще кофеем угощаться или в этом случае хапужнический инстинкт ее страшно подвел.

Александр Коншин

Он улыбнулся, глядя на то, как она пыталась его развеселить своей манерой общения. Из нее бы получился отличный официант, точнее официантка, но это роли не играет. Случайно вспомнилась сцена из его любимого сериала "Next" с Абдуловым, где сын главного героя изображает официанта. Прекрасные манеры общения, гордая осанка, внимательный и слегка лукавый взгляд. У Ляньхуа было примерно все то же самое, только без лукавого взгляда, но с сочувствием. Это было очень приятно.

Лекс проводил ее долгим взглядом, и ему показалось, что она вот-вот сядет в такси и уедет от него, ведь никто не хочет разговаривать с пьяными. Александр помнил, как однажды мать рассказывала, как к ней однажды пристал пьяный. А ведь она просто ответила, сколько сейчас время. И он долго ей что-то говорил, говорил, говорил... и она не знала, как от этого избавиться.

Почему он сейчас это вспомнил? Почему он вспоминает то, что хочется забыть? Он не хочет больше иметь к ней какого-либо отнeшения, он хочет жить своей жизнью и быть полностью свободным. Неизвестно, что есть правильно, это его не касается.

Девушка очень быстро вернулась со стаканчиками кофе, и он обнял стакан двумя руками и отпил немного напитка. Он бы не сказал, что ему стало легче, но теперь хоть чувство паники слегка рассеилось.

- Спасибо вам, мисс, - в такой же манере ответил он и улыбнулся.

Какое-то время сидели молча. Он допил свой кофе, кинул в рот кусок лимона и, вздохнув, встал с лавочки. То ли это было сделано слишком резко, то ли опьянение было значительным, но он пошатнулся, однако удержал равновесие. Виновато улыбнулся и, выкинув стакан в мусорное ведро, протянул руку Ляньхуа, помогая ей подняться.

- Если еще не передумала меня пустить к себе, то... я честно не кусаюсь, - он улыбнулся.

Ляньхуа Цин

Ляньхуа, сидя на скамейке, довольно быстро решила, что от одного внезапно

случившегося стакана кофе с ней ничего плохого не случится, поэтому выпила свой латте и даже наполовину с удовольствием. Только наполовину - потому что примерно в это же время Фея вспомнила о том, что по зданию аэропорта, на секундочку, ещё до сих пор ходит бомба замедленного действия, по имени Ндиди, и готова в любой момент устроить катастрофу локального масштаба. Ляньхуа то прислушивалась, не звенит ли у неё в сумке телефон, то оглядывалась на выход из здания аэропорта, опасаясь, что там вот-вот может возникнуть высокая, чёрная и печальная фигура - а поскольку Лекс пил свой кофе молча, то и отвлечь Фею от этого непрерывного беспокойства было некому.

Отвлеклась Ляньхуа только когда Лекс встал со скамейки - и немедленно пошатнулся, а Фея не менее немедленно кинулась его ловить. Пригодиться это опять не пригодилось, зато лишний раз подтвердило, что девушка бдит и ушами не хлопает.

- Ещё не передумала, - твёрдо сказала Фея, которая считала, что забирать назад уже выданное приглашение - это хамство, и тоже метнула свой стакан из-под кофе в мусорку. - Сейчас, я только одну эсэмэску напишу, чтобы нам всем стало окончательно спокойно, и можем выдвигаться, ладно?

С телефона Ляньхуа отбила Ндиди лаконичное "R u ok", в ответ быстро получила не менее лаконичное "Yer" и на этом разрешила себе поверить, что катастрофы уже не будет. Запихнув телефон обратно в сумку, Фея поманила Лекса за собой и, то и дело оглядываясь на молодого человека через плечо, двинулась к стоянке такси. На автобусах сегодня уже наездила, хватит, связываться больше не хочется.
